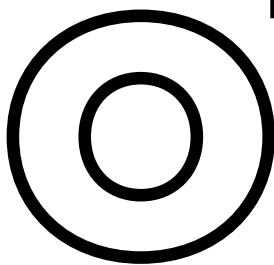

ТО

КИ

АННА
ШЕРМАН

КОЛОКОЛА СТАРОГО ГОРОДА

Москва
2021

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)
Ш49

Anna Sherman
BELLS OF OLD TOKYO:
MEDITATIONS ON TIME AND A CITY

Copyright © Anna Sherman, 2019

First published 2019 by Pan Macmillan,
a division of Macmillan Publishers International Limited

Шерман, Анна.

Ш49 Токио. Колокола старого города / Анна Шерман ;
[перевод с английского Е. Лазаревой]. — Москва : Экс-
мо, 2021. — 352 с. — (Странствия сердца. Книги-путе-
шества по разным уголкам планеты).

ISBN 978-5-04-110658-4

С 1632 по 1854 год японские правители проводили политику изоляции Японии, способствовавшей созданию уникальной культуры, «островки» которой сохраняются и по сей день. Страстная любительница Японии, Анна Шерман совершает путешествие по старым улочкам Токио, затерявшимся среди современных железобетонных конструкций. В своей гипнотической, чувственной прозе она описывает поиск великих колоколов времени, с помощью которых жители Эдо, позже названного Токио, измеряли время в городе сёгунов. В беседах с местным населением Анна воссоздает почти забытую устную историю старой Японии, еще не претерпевшей западной модернизации, войны и ядерных бомбардировок.

УДК 94(520)
ББК 63.3(5Япо)

ISBN 978-5-04-110658-4

© Лазарева Л., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие переводчика

Храмовый колокол отбивал часы. Собственно, он и был «часами», пока в Японию не стали проникать европейские технологии и товары. Старинные часы как были, так и остаются диковинками — богато украшенные, но на практике бесполезные. Потому что когда Японией правили сёгуны, в сутках было 12 часов.

Анна Шерман, написавшая книгу о колоколах старого Токио, открыла в японской столице целый остров старинных часов. Она посетила все храмы, все музеи и все мастерские «японского времени». Она не забыла о датах и лицах, воплотивших в себе эти времена. Задавшись целью отыскать все токийские «колокола времени», писательница создала удивительный маршрут, охвативший многие достопримечательности мегаполиса, достойные внимания иностранца сегодня. Не расставаясь с дорожным атласом, она, по сути, написала удивительно искренний и какой-то «домашний» путеводитель по Токио. Заодно она оживила историю всей страны, найдя в перестроенных до неузнаваемости кварталах города и его богом забытых захолустных уголках неповторимые приметы прошлого.

Традиции и современность! Где, как не в Японии, эти тренды столь поразительно контрастны! В буквальном смысле — как небо и земля. Врожденное стремление коренных жителей сохранить — и перестроить каждую пядь городского пространства. Модернизировать — и сберечь неповторимый «дух» — нет, скорее «духов» окружающего ландшафта, зда-

ний, даже звуков бывшей столицы сёгунов, Эдо... С первых страниц колокол возникает как звучащая нота, всасывающая в себя пространство, насыщающая его своими магическими вибрациями. И закономерно возникает тема «звукового ландшафта города». Тот безумно динамичен и деловит, но в нем еще остались места, где слышно, как раскрываются — разрываются — на глади парковых прудов бутоны лотоса, где можно различить стук дождевых капель о поверхность воды.

Колокола со звонильными башнями или площадками — прекрасные ориентиры на местности. Часто это звучащие «вестники» храмов, мемориалов, музеев. У Анны Шерман все эти вехи указывают направления, которые ведут напрямик к человеческим судьбам и сердцам... Еще когда минуты, и секунды, и даже интервалы меньше двух часов мало кого из пунктуальных японцев интересовали, колокола сообщали им, когда ложиться спать и когда пробуждаться, когда вкушать пищу, идти работать, когда праздновать — или спастись в дни войн и катастроф.

Возле храмовых ворот имеются таблички с информацией о колоколе (то есть о «часах») с указанием границ распространения его звучания. Эти схематичные волнообразные рисунки выглядят как круги на воде. Текст Анны Шерман, повторяя ее кружение по городу, тоже напоминает расходящиеся круги, ритмичную капель, партитуру звучащего города. Вольно или невольно она ведет себя почти как настоящая, «коренная» жительница Токио. Ведь ни один японец (а тем более японка) не скажет: «Я тебя люблю». Просто негромко произнесет что-нибудь об опадающих листьях или лепестках, об облаках, заслонивших Луну. Вот так и «туристический атлас» Шерман: это не что иное, как признание в любви к тихому, суетливому, темному, загадочному, ярко освещенному, огромному, и шумному, и всегда немного непредсказуемому Токио, бывшему Эдо.

Уцелевшие колокола времени — памятник его сакральности. Чем менее точными были «датчики», тем больше в них было священной связи с предками, с природой, с Солнцем и Луной, со сменой сезонов. В зависимости от времен года

час в Эдо приходил на смену другому с различными интервалами. В короткий зимний день час тоже был намного короче, чем летом. Ночной час был зимой долгим, а летом — наоборот. Каждый час в старину носил название одного из животных китайского Зодиака, поэтому рассвет был Часом Кролика, а закат — Часом Петуха. Полдень приходился на середину Часа Лошади, а Час Тигра наступал перед рассветом, когда путники отправлялись в путешествие, а влюбленные расставались друг с другом. Да, и колокола, как часы, «отбивали часы».

И вот незадача! «Часы» по-русски «они». И в первой же фразе, где город (вид сверху?) сравнивается с гигантским часовым механизмом, язык перевода со своим так некстати пришедшимся множественным числом убивает главную идею книги — о единстве городской агломерации. О живом организме, состоящем из такого количества неравных, неравномерных частей! Найдется ли у нас столько слов, чтобы рассказать обо всех датчиках времени, которые Анна Шерман умудрилась отыскать, путешествуя среди колес и шестеренок этого гиганта? Ведь столько ассоциаций, столько аллюзий: от наивных детских песенок до тревожного набата и скорбного похоронного звона!

В 1872 году император Мэйдзи отменяет старые часы и вводит измерение времени и календарь, принятые в Соединенных Штатах и в Западной Европе: «Отныне и впредь день и ночь будут одинаковы». Со сменой сезонов часы больше не переводились, не приспособлялись к погоде и морским приливам. Луна больше не имела отношения к началу календарного месяца. Новогодний праздник выпадал на середину зимы, а вовсе не на начало весны. «Все стало не так, как должно было быть». Время оторвали от природы.

Тогда же власти объявили, что храмовые колокола больше не будут отбивать часы. Введен запрет. Отныне время будет сообщать полуденная пушка, стрелявшая из дворца.

В этих границах пространства и времени лежит охватываемый писательницей мир, удивительно многослойный и в исторической ретроспективе, и в географических преде-

лах, почти бескрайний, что очень необычно для сравнительно небольшой книги, написанной не просто приезжей, но и старательной ученицей, иностранкой, только постигающей основы японского языка. Классический пример «путешествия», сочетающий очерковый характер изложения с многочисленными отсылками к реальным историческим событиям и лицам, национальным символам, религиозным представлениям. Тонкая стилизация позволяет автору через ритмическую согласованность и плавную текучесть языка переходить от одного пласта повествования к другому, делая его насыщенным, точным, достоверно-проникновенным.

А еще это — путешествие в мир слов, в мир тонких смысловых переходов, своеобразных поведенческих стереотипов и кодов, часто непостижимых для людей европейской культуры. Повествование отличается тем единством стиля и гармонией деталей, которое в нашем восприятии неразрывно связано с представлением о чисто японской изысканности. Книга читается без усилий благодаря простому и ясному порядку слов, чистой и качественной «оптике» авторского взгляда. Чистый взгляд и точный слух отличают повествователя. И почти в каждом абзаце, дойдя до деталей, автор — совершенно по-японски — вдруг становится педантичным и цепким, словно перевоплощаясь в глубокомысленного представителя изучаемой культуры.

Композиция прозы полифонична: субъективный и созерцательный взгляд «приезжей» на мелочи повседневного быта, сиюминутные зарисовки, сделанные как бы от лица «туристки», не отрицают ответственности исследователя, который (у нас на глазах, ошибаясь и подыскивая подходящие слова) изучает язык и культуру страны, завязывая контакты с представителями местного населения. Это отнюдь не поверхностное знание автором исторических фактов, верований и предрассудков, закрепившихся за каждым клочком земли, воспринимается читателем как дань самобытности всей нации. Географическое многообразие описываемых мест следует за сквозной идеей Времени, порождая уникальную пространственно-временную матрицу повествования. Переход от

бытописательства к проблемам Бытия для японцев (особенно старшего поколения, пережившего катаклизмы XX века) — естественное мерило психологической достоверности и глубокой человечности литературного замысла. В своих зарисовках писательница остается достойной представительницей славной англоязычной прозы, когда — «сквозь разнообразные личины обычаев, климата и религии», через частоколы незакавыченных цитат она соединяет в единый поток Времени частное и общее, временное и Вечное, земные истины — и мечту о Высоком.

Героями книги становятся разнообразные представители японской нации — от легендарного «первого императора» Джимму, подвигшего далеких предков идти морем на поиски обетованных островов, и его мифической матери, «дочери морского бога», — до продавца кофе в не менее легендарном токийском джаз-кафе. Кстати, в примечаниях к книге страниц едва ли не столько же, сколько в самом тексте. Словом, даже как очередной «путеводитель по Токио и окрестностям» книга достойна внимания благодаря живости и правдивости описаний. Все факты проверяемы, и даже на этом уровне проза Анны Шерман — хоть и не совсем новое, но далеко не банальное слово на пути к сближению с «загадочным Востоком». Главное же ее достоинство — это образ Времени, показанного в качестве сквозного героя всех путевых зарисовок. А оно у японцев отличается от «механистичного» нашего, европейского, западного, и неумолимо требует к себе философского отношения.

Перед нами достойный образец классической англоязычной прозы, представители которой в свое время досконально исследовали и описали жизнь и культурные достижения разных народов, в том числе и Востока. А один из соотечественников Анны Шерман даже когда-то бросил вызов «старинному тирану» Времени и, называя его быстроногим, неумолимым и бесшумным, выразил свои чувства в 154 сонетах. Почти как японский мудрец или странствующий поэт.

«Деятельный» характер английского языка, где, кажется, предложения немислимы без глаголов, действий, поступков,

под пером очевидицы отчаянно пытается передать нюансы «атрибутивного» японского языка, в котором ассоциативность, как и созерцательность и умение смотреть в глубь вещей, превыше всего. Настолько, что даже арабскую пословицу из одной строчки так и не смогли адекватно перевести на японский, поскольку один язык пронизан «знанием и засухой», а другой испытывает «переизбыток влаги» — он островной и весь во власти океанских стихий! Третьему — русскому — остается только примирить транскультурную ситуацию, в которой постоянно пребывает героиня повести, и по мере возможности «перестать дышать», ничего не навязывать. Здесь все — состояние души, и удар кистью в живописи, в каллиграфии, и смертельный удар мечом! Ни одно внутреннее движение также не останется нами незамеченным. Наш язык исторически готов к таким переходам. Авторские «черновики» с поисками подходящего слова поучительны и трогательны, ведь это первопроходческие усилия не покорить мир, а пропустить его через себя. Здесь только описания военных операций и средств массового уничтожения людей не знают оговорок и запинок, они до омерзения безошибочны и однозначны. Да разве что крепкое бюрократическое заштампованное слово, как и везде...

История плавно перетекает в современность. Блуждания по современному городу внезапно и резко обрушиваются в глубины «чужой души», все еще насмешливой и отстраненной, несмотря на щедрое гостеприимство и чуткую предупредительность. Трудный язык остается загадкой. Окружающие моря сотрясают сушу. Исчезают уютные гнездышки кафешек, уходят старые друзья и знакомые...

Но остается эта написанная светом и тенью картина, с памятью о бесчисленных жертвах, с верой в непрерывность жизни. Так «по ком же звонит колокол?».

По каждому мгновению Бытия.

Старинный колокол отбивает Время. Он впитывает в себя все пространство — окрест.

А. Лазарева.

Посвящается Иану

Токио — грандиозный хронометр. В его тихих аллеях и шумных авеню, дремлющих каналах и храмах угадывается циферблат гигантского часового механизма. Его месяцы, недели и часы, минуты и секунды подчинены ритму дорожного движения, которое устремляется в столицу со стороны северных рисовых полей, от разрушенной Фукусимы. Они отмерены домами, ушедшими под снос, и новыми постройками, что выросли на землях, отвоеванных у моря. Время измеряется здесь ароматическими палочками — и светодиодами. И сверхточными атомными часами. Время отсчитывается судьбами тех, кто живет в пределах железнодорожной линии Яманотэ, кольцом охватившей старинный городской центр, и тех, кто населяет равнину Канто, уходящую за пределы этого неровного овала.

Содержание

Колокола времени	11
Хибия	21
Нихонбаси: Нулевая точка	29
Асакуса: Легендарная равнина Канто	49
Акасака: Изобретение Эдо	63
Мэдзиро: Неудавшийся переворот	75
Нэдзу: Часы и часики эпохи Токугавы	85
Уэно: Последний сёгун	103
Рокумэйкан: Реставрация Мэйдзи	127
Цукидзи: Японская империя	137
Ёкокава-Хондзё: К востоку от реки	149
Маруноути: Начало нового отсчета	159
Китасуна: Зажигательные бомбы 1945 года	169
Сибя-Киридоси: Токийская башня	189
Переход на летнее время: Оккупация	207
Итигая: Послевоенное процветание	215
Часы будущего	232
Синдзюку: Завтрашний Токио	237
Хибия: Отель «Империал»	245
Примечания	259
Список использованной литературы	330
Благодарности	346

Колокола времени

Пять часов вечера. Прозвучали по радио позывные, их звуки долго замирают над парком Сиба. Каждый вечер по всему городу токийские репродукторы передают то, что называется *радио босай* («готовность к стихийному бедствию»). Ровно в 17:00. Эта клавишинная «Камаринская» — проверка городской радиосети. По всей Японии мелодии исполняются разные, но радиостанции Токио обычно играют детскую песенку «Юяке-Кояке»¹. Слова ее такие:

С заходом солнца день темнеет.

На горе звонит колокол времени.

Взявшись за руки, мы вернемся домой, вместе с птицами.

Дети ушли по домам, и светит полная луна.

Когда засыпают вороны, всё небо в сверкающих звездах.

В этот вечер из репродуктора звучала не «Юяке-Кояке», а что-то другое. Я не узнала песню и ломала голову, что это было, когда, сплетаясь с передачей в записи, отчетливо прозвучал другой звук — колокол Дзодзё-дзи², старинного храма, который находится рядом с Токийской башней.

Единственный удар отозвался целым созвучием, где верхний тон постепенно растворился в глубоком низком.

И я направилась на этот звук. Миновав Тройные ворота, на открытой каменной башне я увидела гигантский колокол и звонаря в одеянии цвета темного индиго. Он был очень молод. Толстый канат из переплетенных фиолетовых, красных и белых шнуров свисал с горизонтального *сюмоку*, массивного бревна, которым бьют в колокол. Юноша повисал на канате, оттягивая *сюмоку* слегка назад, потом еще немного, прежде чем ударить им, словно стенобитным тараном, в позеленевший бронзовый бок колокола. Звонарь изо всех сил тянул веревку, откидываясь всем своим весом назад, и валился, валился до тех пор, пока едва не садился на деревянные половицы башни; и тогда сила противодействия начинала тянуть его обратно, вперед и вверх. Движение походило на запись, прокрученную задом наперед: падение чудесным образом преображалось в собственную противоположность.

Япония — страна колоколов. В детстве мне подарили японскую музыкальную подвеску, хрупкую безделушку в виде миниатюрной пагоды. Пять свесов трехъярусной крыши, каждый увешан крошечными колокольчиками, и пять висячих полых цилиндров, которые звенели, ударяясь друг о друга. Все части игрушки скреплялись леской. И оттого, наверное, что леска была прозрачной, вся эта «музыка ветра» звенела так, словно подвеска вот-вот улетит.

Никто не удосужился ее повесить. Леска, в конце концов, перепуталась, так что развязать затянутые узелки стало невозможно. Музыка кончилась.

Но этот перезвон — мое первое впечатление от Востока: сверкающий металл, переливы звуков, порывы ночного ветра...

Ударив в колокол последний раз, звонарь отцепил разноцветный канат, перекинул его через плечо и долго спу-

скался по длинной лестнице, пока не исчез в главном зале храма Дзодзё-дзи.

Небольшая металлическая табличка на башне гласила: «Сибя-Киридоси». Один из колоколов времени в Эдо».

Прежде чем Токио получил свое нынешнее имя, он назывался Эдо. С начала XVII столетия Эдо *de facto* являлся политическим центром Японии, хотя Киото оставался столицей государства до 1868 года, став ею еще в 794-м. В начале XVII века только три колокола отзванивали время по часам. Один колокол находился в Нихонбаси, внутри тюрьмы, расположенной в самом сердце города; другой находился неподалеку от северо-восточного храма Богини Милосердия. Третий колокол был в Уэно, возле северных городских Врат демона. По мере того как Эдо разрастался — к 1720 году в городе проживало свыше миллиона человек, — сёгуны из рода Токугава разрешили иметь больше колоколов, отбивающих время: в Сибе, у Токийского залива. Восточнее реки Сумида, в Хондзё. В западном предместье Ёцуя, при Храме Небесного дракона. В юго-западной части центра, на холмах Акасака, где сейчас находится главное здание токийской теле- и радиосети. Западнее, в районе Итигая, возле Министерства обороны. И далеко на северо-западе, в Медзиро, где в 1657 году в городе впервые случился страшный пожар. Обычно колокола звонили каждый час, чтобы город сёгуна знал, когда вставать, когда ложиться, когда работать, а когда садиться за стол.

Около металлической таблички карта с границами слышимости каждого колокола — рисунок из кругов, перекрывающих друг друга, словно следы от дождевых капель на поверхности тихого пруда. Дождевые капли, замерзшие в тот самый момент, когда они коснулись воды.

Незадолго до смерти, в том же 2003 году, когда его не стало, композитор Ёсимура Хироси написал книгу под названием *«Колокола времени Эдо»*.

Когда-то Ёсимура работал саунд-дизайнером. Он умел создать целую вселенную из обрывков мелодий, нескольких поэтических строк, названий холма, колодца или реки³. В своей последней книге Ёсимура описал Токио таким, каким его мог знать только слепец: звук шагов рабочих, идущих домой через парк Уэно; звяканье монет, падающих в ящики для пожертвований возле святилищ и храмов; возгласы, подгоняющие неловкого звонаря — *joya no kane*, когда колокол ровно в полночь отбивает наступление Нового года. Сто восемь ударов колокола: 108 раз — по числу пагубных мирских страстей.

Город сёгуна почти полностью утрачен, писал Ёсимура. Исчезли не только дома и сады, но и звуковой ландшафт города. В *«Колоколах времени»* Ёсимура медленно идет через весь огромный город и вслушивается в звуки, оставшиеся за пять столетий неизменными. Некоторые слишком неуловимы для Токио XXI века, как звук лотов, лопающихся на рассвете. Толпы, бывало, каждое лето собирались, чтобы посмотреть и послушать легкий треск раскрывающегося бутона на волнистой глади пруда Синобадзу. Можем ли мы представить, насколько тонкими были чувства людей в то время? Но некоторые звуки Эдо все же сохранились: кричат на рынках торговцы; звеня от ветра, колышутся на тележках подвески из стекла каждый год в июле; и каждый час звонят колокола, сообщающие время.

Ёсимура считал, что в голосе храмового колокола столько же тишины, сколько и звука. Звонивший колокол втягивал в себя всю жизнь в округе.

Сёгуна больше нет, но вы можете услышать то же, что и он, писал Ёсимура. *Нота раскрывается вовне. Звук заключает в себе движение сквозь время.*

Я пройду путем Ёсимуры и поищу, что осталось от исчезнувшего города. Я не воспользуюсь скоростными эстакадами, не войду в вагон железнодорожной линии Яманотэ, которая с грохотом пронзает городской центр. Мой путь пройдет по тем местам, где различим звон колоколов, — маршрутом в виде рисунка дождевых капель, падающих на водную гладь. Ветром звенящие звуки могло занести далеко к Токийскому заливу, а дожди могли заглушить их так, словно их не было вовсе.

Круг имеет бесконечное количество начал⁴. Направление, которое я выберу, может меняться, как могут смениться кружочки на карте.

Да, границы существовали, но они не прочерчены раз и навсегда.